

Китайские народные сказки

Удивительные приключения мастеров

Жили в старину два каменотеса. Из года в год от зари до зари камень в горах рубили. В ту осень как раз девятая луна миновала, десятая наступила, в горах листья с деревьев опали, хризантемы завяли. Грызут мастера сухие сухари, студеной родниковой водой запивают.

Вздыхнул каменотес по прозванию Чжан Эр — Чжан Второй — и говорит:

— Только и жизнь беднякам, что в шестой луне, а зимой, в холода одно мученье.

Ничего сперва не сказал Ван Сань — Ван Третий, только брови нахмурил, думал-думал, потом поглядел на своего напарника и говорит:

— Хочу я, брат, в дальние края податься, а то маешься здесь год целый, а все едино нищ да гол.

Чжан Второй и раздумывать не стал, сразу согласился:

— Дело говоришь, давай сегодня же и отправимся!

Нет у каменотесов ни землицы, ни дома, а уж сокровищ или каких-нибудь там драгоценностей — и подавно. Как говорится: на поводу тащить некого, на коромысло вешать нечего. Сказано — сделано. Сборы недолгие. Решили и в путь отправились.

Повстречались им на дороге сапожники, спрашивают:

— Куда спешите, братья каменотесы?

Отвечает Чжан Второй:

— Да вот, говорит Ван Третий, надобно в дальние края податься, может, там на еду да на одежонку заработаем.

Услыхали это сапожники, обрадовались и говорят:

— День-деньской мы спину гнем, туфли шьем, а самим обуть нечего. Пойдем-ка и мы с вами.

Пошли они дальше, шли, шли, вдруг повстречали двух женщин, которые на богачей шили да вышивали.

Спрашивают женщины:

— Куда спешите, братья?

Отвечает им сапожник:

— Да вот, каменотесы говорят, надобно в дальние края податься, может, там на еду да на одежонку заработаем.

Услыхали это женщины, обрадовались и говорят:

— День-деньской мы спину гнем, платья шьем, а у самих одежонка старая да ветхая. Пойдем и мы с вами.

Пошли они дальше. Идут и каждый раз мастеров всяких встречают. Чем дальше от родных мест уходят, тем больше с ними народу идет: и плотники и кузнецы, всех ремесел мастера есть. Самое малое десять раз по сто. Одних каменотесов несколько сот будет!

Идут мастера — могучая лавина — все вперед и вперед. Уж и не знаю, в какие места забрели. За день хоть бы деревню встретили или на человека набрели. А тут стемнеет скоро. Увидели они в стороне от дороги дерево огромное да сухое. Остановился Ван Сань и говорит:

— Уж лучше нам в дупле заночевать, чем в поле под открытым небом.

По нраву всем пришлось его слова. Залезли они в дупло. Хэй! Ну и дерево толстенное! Ну и дупло здоровенное! Народу в нем спать улеглось — и не счесть! Не тысяча — больше тысячи. А коли надобно, еще полтысячи влезет. Что в брюхе пусто — про то никто и не думает. Спят себе, храпят, сопят да свистят.

А надобно сказать, что от того места, где мастера спали, самое малое за несколько тысяч ли, жила одна семья. Хозяйка о ту пору как раз ужин стряпала. Ей бы еще чуток пампушки над паром подержать, а тут дрова того и гляди кончатся.

Вот и говорит она сыну:

— Сбегай побыстрее за дом, охапку травы принеси, да посуше!

Послушался мальчик, вышел за ворота. Вмиг очутился в том месте, где мастеровые спали. Поглядел на дерево и думает: «Вот оно и сгодится нынче на растопку. С каких пор сухое стоит!» Подумал он так, поднатужился, сломал дерево. Такой треск раздался, что мастера все разом проснулись — думали, это из катапульты стреляют, — и из дупла на землю посыпались. Увидел мальчик маленьких человечков, так обрадовался, что и не расскажешь. Присел на корточки, давай их разглядывать. Он и подумать не мог, что в Поднебесной такие чудеса творятся. А тут светлячок появился, взад-вперед летает, светит, да так ярко, ярче десяти тысяч свечей, вместе взятых. От этого света лицо у мальчика красным стало, черные волосы на лбу будто масляные блестят. Огромного он росту, а с виду добрый. Глядят на него мастера, дивятся, слова вымолвить не могут, только Ван Сань-каменотес помнит, что надобно товарищам помочь. Задрал он вверх голову, как закричит: — Эй, мальчик-великан! Вижу я, сердце у тебя доброе. У нас нынче и рисинки во рту не было. Не найдется ли у тебя чего поесть? Услыхал мальчик, что каменотес крикнул, и говорит: — Погодите! Я мигом домой сбегаяю! Мать пампушки на пару печет, а меня за хворостом послала. Вскочил мальчик с земли, одним махом выдернул толстого тростника охапку, домой побежал. Прибежал, смотрит — огонь в очаге еще не погас. Вот и готовы пампушки. Не забыл мальчик свое обещание, попросил у матери одну, мастерам отнес. Только после домой воротился, сам принялся есть. Обрадовались мастера. Да и как не обрадоваться! Пампушка огромная, с холм величиной! А белая, — ну, прямо снег! Да будь тут мастеров еще сто раз по тысяче, им за три года да шесть лун не съесть этой пампушки. Даже не знают, с какого конца к ней подступиться. Стали наконец есть. Много дней ели — маленькую дыру проели. Смотрят — в середине овощная начинка. Как же начинку не отведать? Стали они друг дружку толкать да отпихивать, в середину лезть, влезли наконец, принялись начинкой лакомиться. Овощи ароматные, свежие! Ни разу не довелось мастерам такую вкусную пампушку есть. Живут они себе, поживают, тишина вокруг да покой. Много дней прожили. Но вот однажды, как раз, когда они обедали своей пампушкой, раздался грохот — никак небо обвалилось. Земля под пампушкой ходуном заходила. Кликнул Ван Сань парней, пошли они поглядеть, что приключилось. Выглянули потихоньку. Ай-я! Что за диво! Дождь изо всех сил хлещет, только не капли с неба падают — струи льют, и не сотнями — тысячами — серебряный водопад с неба падает, сверкает. Земли будто и не было — море-океан вокруг разлился. Посредине пампушка плавает и горы из хрусталя прозрачные — много их. И впрямь диво дивное! Глядят мастера, глядят, вдруг видят — еще горы из воды поднимаются, огромные, высокие. Одна гора прямо к ним плывет, того и гляди, с пампушкой столкнется. Закричали мастера со страху. В тот же миг гора на пампушку налетела. Хэй! Ни грохота, ни шума, пампушка как была, так и осталась целехонька, зато гора об нее на кусочки разбилась. Обрадовались Ван Сань и его товарищи, куда печаль подевалась! Поняли, что никакая это не гора, пузырь простой, который на воде бывает. Вот и дождь устал, лить перестал, вынесло пампушку в большую реку. Ходят по реке огромные волны, воротят воду водовороты, качается пампушка из стороны в сторону, аж голова у мастеров кругом идет, перед глазами круги плывут. Поднатужились они, подтянули листок, который по воде плавал, заткнули тем листком дыру в пампушке, чтоб волны внутрь не врывались. Плывут мастера по реке, а где — не знают, не видно им. Даже Ван Сань, уж на что бывалый, и то не может толком сказать, сколько времени прошло — нечем время мерить. И вот в один прекрасный день чуют мастера — не качает больше пампушку, прислушались — тишина вокруг. Куда ж это они приплыли? Обрадовались мастера так, что и не расскажешь, все

разом за лист ухватились, потянули. И тогда скользнул в дырку теплый солнечный луч. Небо синее так и сверкает, по небу легкие белые облака плывут — слитки серебряные. Опять загрузили, закручинились мастера: не к берегу, не к твердой земле пампушка пристала — снова по морю плывет. А море — небо голубое, только шире, больше, глаже да чище.

Глядят мастера на море — и большое оно, и красивое, а все едино тяжело у них на душе — нельзя же вечно по морю плавать. Уж и не знаю, сколько прошло времени, вдруг налетел откуда ни возьмись сильный ветер, волны поднял высокие, не ровен час наскочит их пампушка на подводную скалу. Встревожился Ван Сань, а духом не пал, не повесил голову и говорит спокойно так, не быстро и не медленно:

— Что пользы печалиться? Море хоть и велико, а берег есть. Тут где-то ветка была, ее волною занесло в пампушку. Давайте сделаем из нее весла. Нас тысяча! Чего ж бояться? Неужто не догребем до берега?

Повеселели мастера, заулыбались. Пошли плотники ветку глядеть. Хороша! Самые тонкие веточки на ней толще обыкновенного ствола. Принялись плотники пилить да рубить. Вскоро весел смастерили — и не счесть.

Взяли мастера в руки весла, грести стали. Гребут — не передохнут.

И на заре гребут, когда небо алым цветом загорается, и ночью, когда звезды над морской водой блещат.

И вот однажды ночь пришла, луна взошла, море спокойное — ну прямо зеркало гладкое. Увидали тут мастера длинную черную тень — не то берег, не то остров. Обрадовались! Ведь столько дней их по морю носило! И хоть устали они, еще усердней грести принялись, а тень чем ближе становится, тем выше кажется. Подумали мастера, что это морской берег. Да, видать, шибко крутой. Как на него залезешь? А с самого веру блестит что-то! Уже самую малость плыть осталось, сейчас к берегу тому пристанут. Э-ва! Что за диво! Задвигался вдруг берег. Пригляделись мастера: и не берег это вовсе — рыбина большущая. Не успели мастера спастись: разинула рыба пасть, проглотила пампушку вместе с мастерами. Словно финик, проскочила пампушка в рыбе брюхо. Не насытилась рыбина, хвостом вильнула, целый пароход проглотила, доверху шерстью груженный, опять не наелась, два парохода с полотном проглотила — наполовину голод утолила. Страшно у рыбы в брюхе, темно; глухой ночью, когда небо все в тучах, и то светлее. Сидят мастера лицом к лицу, а друг дружку не видят. Вздохнул тут Чжан Эр- Ни разу, как из дома ушел, не вздыхал так. Уж очень он растревожился. Встал, прошел несколько шагов, на Ван Саня наткнулся и говорит печально:

— Уж лучше десять лет по морю носиться, которое под луной блещит, чем день в рыбьем брюхе просидеть.

Рассмеялся тут Ван Сань и спрашивает:

— Что это вы, ребята, головы повесили? Забыли, что в пампушку свиной жир положен? Сейчас зажжем его, и светло станет.

Чтоб в рыбьем брюхе огонь горел, такого отродясь никто не видал. А мастеровые зажгли свиной жир, и светло стало, будто белым днем. Обрадовались мастера: только что как слепые были, а сейчас опять зрячими сделались. Глядят друг на дружку, смеются, разговаривают. Немного времени прошло, еще радость им привалила. Увидели они возле пампушки два больших парохода с холстом. И впрямь радость!

И так одежка у них у всех ветхая, а пока в пути были, совсем износилась. Каждому в новое обрядиться охота. Хоть никого промеж мастеров смекалистей Ван Саня не было, а и он не мог сказать, сколько платьев сшить можно из той материи, что на кораблях была. Коли и вспомнил кто из мастеров дом родной, чистую речушку, красные цветы, только запечалился: нечего было им в ту

пору поесть, не во что одеться. И принялись они со спокойным сердцем за дело.

Пока мастеровые в рыбьем брюхе хлопотали, много всяких дел приключилось. Рыбину к морскому берегу волнами пригнало, тут ее коршун увидал, к самой воде спустился, клюв разинул, проглотил рыбину. Крыльями взмахнул, взмыл в небо, потом к какой-то крыше прилетел. Ну и красиво здесь! Захочешь рассказать, да не сумеешь. Солнышко ласково светит, в самые укромные уголки розовые лучи посылает. Отряхнул коршун перья и как закричит. А во дворе девица с вышиванием сидела. Подняла она голову, увидала коршуна, взяла узорчатую туфельку, в коршуна бросила. А коршун расправил крылья, как раз взлететь собрался. Попала ему туфелька носком прямехонько в крыло и застряла. Не может коршун взлететь.

Смотрит девица — жирный коршун, и думает: «Приготовлю-ка я его для отца, пусть полакомится». Собрала девица свои нитки да иголки, взяла птицу, в дом пошла.

А мастера к тому времени во все новое оделись, довольны, улыбаются. Как говорится, радость на все небо, веселье на всю землю. Бегают, прыгают, поют, словно в праздник. Вытащила девица из брюха коршуна рыбину, слышит — смеется кто-то внутри. Подивилась девица: откуда голоса человечьи? Ей-то рыбина маленькой рыбешкой кажется. Вспорола она осторожно рыбье брюхо, а там три парохода да пампушка, в пампушке тысяча человек. А мастера таких чудес за это время насмотрелись, что ни капельки девицы той не испугались. Ван Сань даже вежливо поблагодарил девицу, рассказал, зачем они родные места покинули, про беды, которые с ними в пути приключились, поведал. Пожалела их девушка, сказала, чтоб они навсегда здесь поселились. Кинулись мастера все разом во двор, уж очень им хотелось поглядеть на голубое небо, на ясное солнышко. А пуще того хотелось послушать, как птицы поют да ветер в деревьях шумит. Бегают мастера, суетятся, полдня пробежали, а никак до дверей не дойдут. Вдруг смотрят — две горы друг к дружке прилепились, рядышком стоят. Ковырнули мастера разок гору, на вкус попробовали — сладкая, ну, прямо тесто из рисовой муки. Оказывается, это девушка два зернышка рисовых обронила.

Лезут мастера на горы-зернышки, карабкаются, уж и не знаю, сколько времени прошло, пока их одолели. А тут стемнело, так и не увидели мастера, какие здесь места, пришлось назад идти. Полночи шли, пока к девушке той опять пришли.

К тому времени отец ее домой воротился. Борода белая, смеется весело, сразу видать — добрый. Рассказала ему дочь все, как было, не стал старик есть, стал мастеров ждать, с ними ужинать. Принялись мастера с хозяином за коршунятину. Вкусная, нежная! Девица в сторонке сидит, красную шерсть прядет и говорит:

— Отец, красные шарики у тебя на шапке совсем истрепались. Я нынче из рыбьего брюха немного шерсти достала, давай новые сделаю!

Взяла девица всю шерсть, которая на пароходе была, сделала из нее два большущих красивых шарика, к отцовой шапке приделала.

В это время мастера как раз ужинать кончили. Поглядел старик на красные шарики, надел шапку, пообещал завтра мастеров с собой взять, по разным местам поводить, пусть посмотрят. На другой день кликнул старик Ван Саня, кликнул всю тысячу мастеров, велел им к себе на плечи залезть. Надел шапку с новыми шариками, сделал несколько шагов, у ворот очутился. Понес старик мастеров в сад. Издалека услышали мастера, как славно дикая слива поет. А в сад пришли, поняли — это пчелы жужжат. На темно-зеленой траве, на светло-зеленых листьях, на красных цветах, на тонких ивах — везде росинки-жемчужинки. Самые маленькие — больше и круглее луны в небе. Так и сверкают росинки, так и переливаются, то красными станут, то фиолетовыми. Сидят мастера на плечах у старика, вниз глядят, и кажется им, будто не росинки это, а тысяча раз по тысяче, десять тысяч раз по десять тысяч лун сверкает среди разноцветных облаков.

Подошел старик с мастерами к фруктовому саду. Чуют люди — яблоками вкусно запахло, аж слюнки потекли, захотелось им тех яблок отведать, уж старик непременно их попотчует. Но тут вдруг откуда ни возьмись черный орел прилетел. Уж очень ему понравились шарики на шапке у старика, отродясь он таких не видал. Расправил орел крылья, схватил шарики в клюв, к югу полетел. Всполошился тут старик, вдогонку за ним пустился. А мастера тоже растревожились, бояться, как бы старик их не уронил ненароком. В складках его одежды схоронились, только головы высунули, по сторонам глядят.

Летит орел все быстрее да шибче, старик за ним. Бежит, бежит, никак не догонит. Потом вдруг нагнулся, поднял с земли большую гору — три дня на нее лезть, три ночи взбираться, чтоб до вершины добраться, — и запустил той горою в орла. Не угодила гора в орла, упала на южный склон другой горы — еще выше и больше. Тут вдруг голос раздался, да такой, что небо испугалось, земля задрожала:

— Кто это в мою чашку песчинку бросил?

Услыхал старик голос, перешагнул через большущую да высоченную гору, а там старик на земле сидит, раза в три больше этого, круто сваренный рис ест. Взял тот старец палочками гору, выбросил из чашки, опять за еду принялся. А старик, который мастеров на плечах нес, извиняться стал и говорит:

— Ты уж прости меня, старший брат, это я за орлом гнался, хотел камнем в него угодить, а попал в твою чашку. Не сердись!

Старец не только не рассердился, наоборот, пригласил старика поесть вместе с ним. Просто это голос у него такой громкий.

Только не стал старик тут рассиживаться да угощаться, ничего больше не сказал, дальше помчался, за орлом вдогонку. Совсем уж было его догнал, но тут перед стариком гора выросла, для него и то большущая да высоченная. Белая, гладкая, ни травинки на ней, ни деревца! С трудом одолел ее старик, едва до вершины дошел. Смотрят мастера: по лицу старика пот так и катится. Не зря говорят: «Идти в гору легко, с горы — трудно». Стал старик вниз идти, не удержался, в ущелье скатился. Смотрит — кругом стены каменные, отвесные. Никак не взобраться на них старику — все скатывается. Смотрят мастера — не выбраться им отсюда, разве что крылья вырастут.

Поглядели они на Ван Саня, он тоже брови нахмурил, не распрямляет, не знает, как быть.

Ай-я! Что за диво дивное приключилось! Задвигались каменные стены, заходило ходуном ущелье, перевернулось дном к небу, ну, прямо как таз. Вывалился из ущелья старик, хорошо, мастера крепко держались, а то бы на землю попадали. Глядят они, приглядываются, смотрят — парень перед ними, ростом выше ихнего старика в несколько сот раз будет. Приподнялся парень. Хэ! Никакое это не ущелье. В пупок великана, вот куда старик угодил.

Сел великан, глаза протер, видать, только что проснулся. Говорит ему старик:

— Очень тебя прошу, старший брат, погляди, куда черный орел полетел, а то мне не видно!

Вскочил великан, домиком руки сложил, поглядел на юг и закричал:

— Опоздал ты, старик, опоздал! Орел уже в Южные ворота неба влетел! Ну, и хитрец! Боялся, что ты его догонишь, снес яйцо и привалил им Южные ворота неба!

Услыхал это старик, с досады ногами затопал, стал в грудь себя кулаками бить. Жалко его мастерам. А великан подумал, подумал и говорит:

— Встань-ка на мою ладонь, я тебя к небу подниму, к самым Южным воротам, может, отодвинешь то яйцо в сторону?

Так и сделал старик, залез великану на ладонь, а тот поднял руку, и в тот же миг старик с мастерами оказались на десять тысяч верст выше земли. Задрали они головы, смотрят — в пурпурных облаках дверца круглая, крепко-накрепко орлиным яйцом привалена, от дверцы во все

стороны золотые лучи расходятся. Толкнул старик яйцо, а око и не шелохнулось. Закручинился старик, аж слезы из глаз закапали. Потолковал Ван Сань с мастерами и говорит: — Не печалься, почтенный! Сейчас пробуравим это яйцо, на небо взойдем, черного орла найдем! Принялись тут мастера за работу. Молотками по зубилам стучат: чэн-чэн. Только твердая у орлиного яйца скорлупа, тверже камня. Ударят — искры во все четыре стороны разлетаются, еще ударят — опять искры летят. Но не отступились Ван Сань да его друзья-мастера. Зубила затупились, кузнецы горны поставили, давай зубила отбивать. Ручки у молотков обломались, взяли плотники топоры да пилы, новые ручки сделали. Пробили наконец орлиное яйцо. Белок и желток по земле растеклись. Из белка озеро Цинхай получилось, чистое-пречистое. Из желтка — река Хуанхэ, желтая да быстрая. За тысячу лет не высохнут, за десять тысяч лет не пересохнут. Тысячу лет текли, шесть тысяч лет будут течь. А трудолюбивые да умелые мастера вместе со стариком на небо ушли.